

информацией, т.е. не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого – особое общение еще до прибавки к нему функции сообщения». [5, 408] «Перед нашим умственным взором отнюдь «не добрые дикари», которые добровольно подавляют в себе вождения и потребности для блага другого: они общаются друг с другом средствами инфлюации, к каковым принадлежит и суггестия, для того, чтобы подавлять у другого биологически полезную ему информацию, идущую по первой сигнальной системе, и заменять ее побуждениями, полезными себе». [5, 417]

Проанализировав почти все основные гипотезы происхождения языка, Б. В. Якушин приходит к выводу о неуклонном росте мощности информационных потоков, обусловленных тяжестью борьбы за существование через стрессуемость организма, которая расшатывала «генетический фонд первобытных людей, делая его многообразным. Соответственно разнообразными становились и их индивидуальные способности, расширялся диапазон выраженности инстинктов и потребностей и, прежде всего инстинктов роста, познания и свободы. Все это привело к усложнению иерархии сообщества, к частному перемещению индивидов по уровням и к трудностям управления коллективом. Возрастает роль доминирующих индивидов и лидеров. Для контроля над сообществом и управления им необходимо оптимизировать сбор и обработку информации о его состоянии.

Усложняющиеся формы труда и борьбы, взаимодействующие с развивающимся мышлением, требовали более тонкого и информированного управления». [10, 135]

В данном случае напрямую связываются язык, информация и управление, что соотносится с гипотезой Б.Ф.Поршнева об особой роли воздействия в процессе становления и развития языка, а также с данными психолингвистов, посвященными онтогенезу речевой деятельности.

«По определению «Лингвистического энциклопедического словаря», функции языка представляют собой проявление его сущности, его назначения и действия в обществе, его природы, т.е. они являются его характеристиками, без которых язык не может быть самим собой. Двумя главнейшими, базовыми функциями языка являются: коммуникативная – быть важнейшим средством человеческого общения» (В. И. Ленин), и когнитивная (познавательная, гносеологическая, иногда называемая экспрессивной, т.е. выражения деятельности сознания) – быть «непосредственной действительностью мысли» (К. Маркс)». [1990, 564 цит. по Черепанова, 2001, 31]

Регулятивная функция считается частной, производной коммуникативной функции. По-видимому, это связано с попыткой найти механизмы развития языка внутри самого языка, рассматривать язык как саморазвивающуюся систему. Действительно, можно предположить, что в языке действуют две тенденции: тенденция к экономии произносительных усилий и тенденция к наибольшей выразительности, взаимодействие которых и способствует развитию языка на самых различных уровнях. Но тогда для теоретического удобства подобной трактовки следует представить себе и услужливых дикарей, отдающих соперникам последнюю кость или женщину. В противном же случае следует признать наличие регулятивной функции языка как ведущей функции, так как даже сбор информации происходил с целью оптимального управления человеком, сообществом людей или обстоятельствами. Обратившись к современным психологическим теориям, описывающим отнюдь не первобытных людей с потребностями первой сигнальной системы, мы заметим, что потребности манипулировать себе подобными не только не исчезли, но и возросли неимоверно. [9]

Итак, язык – это орудие регуляции. Простая констатация регулятивности естественного языка – прогрессивное явление для лингвистики. Такой подход к языку полностью меняет традиционное описание устройства языка. И тогда задачей функционалистов становится стремление объяснить, каким образом функциональность языка обуславливает его устройство и прежде всего регулятивную предназначенность его единиц. Ведь именно этому требованию не удовлетворяют классические представления об устройстве словаря естественного языка.

Литература

1. Блакар Р. М. Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987
2. Малик Т. Г. Некоторые аспекты исследования лексической семантики // Материалы международной конференции «Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть.» 1-6 октября 2001- Ялта, 2001
3. Морозов А. В. Психология влияния – СПб.: Питер, 2001. – 512 с., ил. – (Серия «Хрестоматия по психологии»)
4. Платон Диалоги. – М., 1986
5. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. – М.: Мысль, 1974. – 487с.
6. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия -Плюс, 1998. – 224 с.
7. Рудяков А. Н. Функциональная семантика. – Симферополь: Таврия, 1992. – 154 с.
8. Рудяков А. Н. Язык, или почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
9. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. – М.: «КСИП», 2001. – 400с
10. Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. – М.: Наука, 1985. – 135 с.

Савина А. А.

О СТАТУСЕ ПАРТИТУРНОСТИ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Художественный текст, являясь продуктом коммуникативной деятельности человека, имеет свою специфику. Заклоченная в нем художественно-эстетическая информация обуславливает особый отбор языковых средств и стилистических приемов, нацеленных на доведение до читателя этой информации, ее развертывание и раскрытие.

Традиционный анализ художественных текстов не всегда учитывает функциональную направленность произведений словесного искусства и зачастую сводится к перечислению внешних по отношению к объекту изучения характеристик.

Функционально-лингвистический подход к исследованию текста основан на положении, что любой текст ориентирован на языковую систему и представляет собой выбор языковых средств из имеющегося набора их в языке, осуществляемый автором в соответствии с его замыслом и отражающий его знания и представления о мире [1; 2].

В свете функциональной грамматики функционирование языковых единиц может быть истолковано как обусловленное строем языка и актуализируемое в речи взаимодействие разноуровневых элементов языковой системы и среды. Исходя из данной концепции, анализ функций единиц разных уровней представляется логичным проводить, опираясь на функционально-семантические поля. Ведущий отечественный разработчик функциональной грамматики А. В. Бондарко определяет функционально-семантическое поле (ФСП) как базирующуюся на определенной семантической категории группировку грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-грамматических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций [2, с. 17]. Понятие ФСП связано с представлением о некотором пространстве. В условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями.

В качестве опорного при описании текстовых структур Л. А. Ноздрина вводит понятие «текстовой сетки», сопряженное с реализацией функционально-семантического поля в конкретном тексте [3]. Текстовая сетка – синтагматическая категория, включающая в себя лишь те языковые средства (морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные), которые содержит данный конкретный текст. Таким образом, текстовая сетка, возникающая при наложении ФСП на конкретный текст, представляет собой поле в действии.

В связи с изучением глубинных структур текста (недоступных непосредственному наблюдению, выявляемых в результате глубокого анализа текста) представляется оправданным обратиться к категории партитурности. Партитурность – это структурно-семантическая категория текста, базирующаяся на свойстве текста конвергировать разноуровневые языковые единицы в полифоническом художественном произведении [4], создавая тем самым эффект многоголосия. Многоголосие в художественном произведении возникает как одновременное звучание партий нескольких персонажей. В литературном произведении голос может соответствовать произнесенным словам или быть внутренним голосом персонажа, передающим скрытые, невысказанные мысли, настроения, чувства. Голос принадлежит лицу или группе лиц, чью точку зрения выражает, и составляет часть перспективы повествования, наряду с другими ее частями, такими как место и время повествования [6].

Целью настоящей работы является определить статус партитурности в системе категорий художественного текста, исследовать характер взаимодействия категории партитурности с другими текстовыми категориями – темпоральностью, локальностью, модальностью – в плане их выражения и функционирования в тексте.

Метод оппозиций позволяет осуществить полное и всестороннее описание состава некоторых ФСП и соответствующих им сеток в конкретных текстах, но он не применим при переходе от плана выражения к плану содержания, для описания не поверхностных, а глубинных структур.

Представляется наиболее продуктивным вести описание глубинных категорий текста и их взаимодействия, опираясь на принцип включенности. При этом каждая категория представляет собой вполне самостоятельное явление и в то же время входит в другую, родственную ей по характеру, но более крупную глубинную категорию и составляет единое целое с другими явлениями в рамках целого текста.

Обратимся к языковому материалу. В полифоническом художественном произведении партия персонажа вплетается в авторское повествование:

(1) Gabriel's features adhered throughout their form so exactly to the middle line between the beauty of St. John and the ugliness of Judas Iscariot, as represented in the church he attended <...>. *The red-jacketed and dark-haired maiden* seemed to think so too, for she carelessly glanced over him, and told her man to drive on. *She might have looked* her thanks to Gabriel on a minute scale, but she did not speak them; *more probably* she felt none, for in gaining her passage he had lost her point, and *we know* how women *take* favour of that kind [8, с.17].

(2) *This well-favoured and comely girl* soon made appreciable inroads upon the emotional constitution of young Farmer Oak [8, с.32].

(3) Gabriel, *perhaps* a little piqued by *the comely traveller's* indifference, glanced back to where he had witnessed her performance over the hedge [8, с.18].

В приведенных примерах из романа Т. Гарди «Вдали от беснующейся толпы» двуголосие достигается путем вкрапления в партию повествователя описания незнакомой темноволосяй девушки глазами фермера Габриэля Оука, желавшего с ней познакомиться. Это была та самая девушка, которая привлекла его внимание на проселочной дороге, интерес фермера к ней подчеркивается употреблением указательного местоимения *this* (2), а также определенного артикля в сочетании с синонимическими спецификаторами: *the maiden* (1), *the comely traveller* (3).

Габриэль еще не знает имени этой девушки, только что приехавшей из города, и дистанция между ними подчеркивается анафорическим повтором личного местоимения *she*:

(4) *She* was the young woman of the night before. Gabriel instantly thought of the hat she had mentioned as having lost in the wind; possibly she had come to look for it [8, с. 25].

(5) *She seemed* tall, but the pail was a small one, and the hedge diminutive, hence, making allowance for error by comparison with these, *she could have been not above* the height to be chosen by women as best [8, с. 27].

Точки зрения рассказчика и персонажа могут не совпадать, прежде всего, в плане оценки событий или действующих лиц. При построении партий важную роль играют также модально-оценочные слова:

(6) The girl on the summit of the load sat motionless, surrounded by tables and chairs with their legs upwards <...> ornamented in front by pots of geraniums, myrtles, and cactuses <...> – all, *probably*, from the windows of the house just vacated [8, с.16].

В авторском повествовании слова *more probably* (1), *perhaps* (3), *possibly* (4), *probably* (6) передают мнение Габриэля, наблюдающего за новой молодой хозяйкой соседней фермы.

Примером смены перспективы повествования может служить чередование наклонений. Нейтральный фон повествования в изъявительном наклонении сменяется маркированным в отношении субъективной модальности, что становится возможным благодаря употреблению условно-сослагательного наклонения, сигнализирующего партию персонажа:

(7) She became restless and uneasy; <...> on the account of the fair the roads were dotted with roving characters of possibly ill intent; and though not fearful of measurable dangers, she feared the unknown. *Had she been near Marlott she would have had less dread* [9, с. 74].

В приведенном отрывке (7) звучат одновременно два голоса: на фоне партии повествователя звучит голос Тэсс Дербейфильд, которая опасалась возвращаться с ярмарки поздно вечером одна.

Для описания взгляда на события «с высоты птичьего полета» автор использует прием отстранения. Точка зрения стороннего наблюдателя подчеркивается глаголом в условно-сослагательном наклонении и субъектом, выраженным неопределенно-личным местоимением *one* (8), а также существительными, детерминированными неопределенным местоимением: *some thoughtful persons* (8) и неопределенным артиклем: *an uninitiated person*(9):

(8) But *some thoughtful persons*, who had seen him walking across one of his fields <...> *might have regarded* Gabriel in other aspects than these. In his face *one might notice* that many of the hues and curves of youth had tarried on to manhood... His height and breadth *would have been sufficient* to make his presence imposing, *had they been exhibited* with due consideration [8, с. 14-15].

(9) It (the tune) came from the direction of a small dark object under the plantation hedge – a shepherd's hut – now presenting an outline to which *an uninitiated person might have been puzzled* to attach either meaning or use [8, с. 20].

Локальная текстовая сетка может быть представлена топонимами, четко фиксирующими позицию автора-наблюдателя, который ассоциирует себя с туристом или с заезжим художником-пейзажистом:

(10) *The village of Marlott* lay amid *the north-eastern* undulations of the beautiful *Vale of Blackmore* or *Blackmoor* <...>, for the most part untrodden as yet *by tourist* or *landscape-painter*, though *within a four hour's journey from London* [9, с. 18].

Для создания эффекта территориальной принадлежности персонажа, наряду с прямыми указаниями на место действия (10), автор может ввести в речь персонажа элементы территориального диалекта той местности, в которой происходит действие.

Обращаясь к диалектной речи, Т. Гарди выходит за рамки литературного языка, используя элементы юго-западной группы диалектов английского языка для создания местного колорита. В подавляющем большинстве случаев диалектизмы употребляются в прямой речи персонажей. Однако диалектные элементы, характерные для того или иного персонажа, могут находиться и в авторском повествовании, сигнализируя появление еще одного голоса. При этом имеет место совмещение текстов, принадлежащих разным авторам, «скольжение авторской позиции» [5, с. 63], когда говорящий в процессе речи меняет свою позицию:

(11) <...> a couple more men had elevated themselves on a chest of drawers; another rested on the oak-carved *'cwoffer'*, two on the wash-stand, another on the stool <...> [9, с. 32].

Описывая интерьер местной пивной глазами постороннего наблюдателя, автор пользуется кавычками для выделения диалектного *cwoffer*. Подражая произношению местных жителей, повествователь вставляет в нейтральное описание диалектное слово, соответствующее литературному *coffer*. Для английских юго-западных диалектов характерно употребление полугласного [w] в позиции после смычного согласного перед гласным заднего ряда [7, с. 43]. Таким образом, диалектизмы в художественном произведении служат специфическим средством выражения категории локальности.

Нейтральный план ретроспективного повествования в прошедшем времени может сменяться настоящим временем:

(12) Two months passed away. *We are brought* on to a day in February, on which was held the yearly statute or hiring fair in the county-town of Casterbridge [8, с. 45].

Как пишет Б. А. Успенский, противопоставление прошедшего времени и времени настоящего, сопровождаемое рядом других явлений, ведет в рамках целого художественного произведения к синтезу двух точек зрения – ретроспективной и синхронной – и двух типов рассказчика [5, с.100]. Употребление настоящего времени призвано создать у читателя иллюзию сопричастности действию. Автор как бы приглашает читателя к сотворчеству, чему также способствует употребление в качестве подлежащего личного местоимения первого лица *we* (1), (12).

Переключение с нарративного простого прошедшего на настоящее служит сигналом смены партии и в следующем примере:

(13) The young girl remained motionless by the tree, and Gabriel descended into the village <...> He fancied that he had felt himself in the penumbra of a very deep sadness when touching that slight and fragile creature. *But wisdom lies in moderating mere impressions*, and Gabriel endavoured to think little of this [8, с. 57].

Внутри абзаца (13) с рисунком темпоральной сетки «маятник» [3, с. 80] звучат сразу три голоса. В первом предложении повествователь рассказывает о развитии событий, во втором предложении к голосу рассказчика присоединяется голос главного героя Габриэля, который почувствовал глубокую печаль, исходящую от бедной напуганной девушки, встретившейся ему ночью на проселочной дороге. В третьем предложении переключение на настоящее время свидетельствует о смене перспективы повествования. В данном случае можно говорить о «нулевом» временном показателе, характерном для пословиц, поговорок и различных сентенций, актуальных для любого времени [3, с. 64]. Завершение абзаца, а вместе с ним и главы, знаменуется очередным введением нейтрального повествования автора, но в этой части предложения одновременно с автором звучит и тема главного героя, который старался не перегружать себя мыслями о странной встрече. Голоса звучат одновременно, не заглушая друг друга, а создавая общую картину. Такое соотношение партий в полифоническом произведении можно назвать комплементарным.

Как явствует из проанализированного языкового материала, сигналами смены партии в полифоническом художественном произведении могут служить языковые единицы разного уровня: модально-оценочные и обстоятельственные слова, анафорический повтор местоимений, указательные местоимения, артиклевые конфигурации, различные временные формы, формы наклонения глагола-сказуемого, сигнализирующие об изменении модальности высказывания, локально-маркированные элементы. Такой разнообразный состав категориальных форм связан со спецификой самой категории партитуристности. Текст выступает как организованное

семантическое пространство. Это пространство не линейно, что позволяет возникнуть некоторому общему смыслу из семантической связности отдельных разноуровневых элементов, каждый из которых одновременно является средством выражения соответствующей текстовой категории – модальности, персональности, темпоральности, локальности, дейкиса. Предпринятый анализ показывает, что глубинная структура текста представляет собой сложное многоуровневое образование, в котором текстовая сетка категории партитуриности включает в себя сетки других текстовых категорий. На следующем этапе исследования представляется необходимым определить функции партитуриности как текстообразующей категории.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464с.
2. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. /Под ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 2005. – 478с.
3. Ноздрина Л. А. Поэтика грамматических категорий: курс лекций по интерпретации художественного текста. – М.: ТЕЗАУРУС, 2004. – 212с.
4. Прянишникова А. Д. Партитуриность текста и ее роль в художественном произведении (на материале английской прозы XX в.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 18с.
5. Успенский Б. А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – 352 с.
6. Шендельс Е. И. Грамматические средства полифонии в тексте художественного произведения //Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 158. Лингвостилистические проблемы текста. – М., 1980. – С.143-155.
7. Trudgill, Peter. The Dialects of England. T. J. Press, Padstow, 1990. – 145 p.
8. Th. Hardy. Far from the Madding Crowd. Penguin Classics. London, 1994. – 374p.
9. Th. Hardy. Tess of the D'Urbervilles. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1950. – 416p.

Савченко А. Л.

АСПЕКТ ВЗАЄМОЗАМІННОСТІ СКЛАДНИХ РЕЧЕНЬ

Останнім часом спостерігається активізація вивчення питань щодо різноманітних аспектів синтаксичних одиниць. Речення, у тому числі й складне, можна вивчати з різних точок зору: з боку структури, тобто формальної організації цієї синтаксичної одиниці, і з боку семантики, тобто загального граматичного значення, що міститься в цій структурній одиниці (структурно-семантичний синтаксис); з боку функції, тобто взаємодії елементів цієї синтаксичної одиниці для відбиття граматичного значення й особливостей уживання цієї одиниці, і з точки зору стилістичного використання цієї одиниці, тобто вибору її з наявних засобів і найбільш доречного, удалого її застосування в цьому контексті (функціонально-стилістичний синтаксис); з точки зору динамічної, тобто того, як організована ця одиниця для повідомлення нової інформації, і як вона взаємодіє з іншими в контексті (комунікативний синтаксис).

Об'єктом структурно-семантичних досліджень багатьох учених (В. А. Білошапкова [4], Л. П. Столярова [5], І. Р. Вихованець [2], К. Ф. Шульжук [6] та ін.) є саме складні речення. Згадані мовознавці визначають ці синтаксичні одиниці як конструкції, що складаються з двох і більше предикативних одиниць, пов'язаних відповідним синтаксичним зв'язком, і являють собою семантичну та комунікативну єдність [6, с. 209]. Це визначення ми обираємо за вихідне. Аналізуючи наявний теоретичний матеріал, можна дійти висновку: ще й досі не розпочато дослідження складного речення з функціонально-стилістичного боку в повному обсязі.

Предметом наших наукових досліджень є складнопідрядні речення, а зокрема – їхня взаємозамінність.

Метою цієї статті є доведення того, що операція взаємозамінності дозволяє перевірити синонімічність речень.

Задачі нашого міні-дослідження полягають у наступному:

- окреслити поняття “значення складного речення”, “синонімічні ряди”;
- продемонструвати на конкретних прикладах взаємодію предикативних одиниць складного речення;
- проаналізувати складні речення в синтаксичному ряді з позиції їх взаємозамінності;
- довести, що розгляд синонімічних груп речень є пріоритетним для уточнення граматичного значення складного речення.

Зрозуміло, у цій статті неможливо охопити весь комплекс проблем, пов'язаних з вихідною темою. Тут ми окреслимо лише загальний напрямок нашого дослідження.

Корпус синтаксичних одиниць мови, так само як і його лексичний склад, стилістично диференційований: серед великого шару міжстильових, «нейтральних» засобів функціонують засоби стилістично марковані.

У мовному вживанні структура й функція, структура й значення стилістично нейтральне й марковане й т.д. взаємодіють. Розглядаючи функціонально-стилістичні параметри складного речення, ми постійно маємо на увазі структурний фон.

Одним із функціональних підходів щодо дослідження граматичних одиниць мови вважається шлях від граматичного значення до способів вираження такого значення. Конкретною реалізацією такого шляху є подання одиниць у синонімічних рядах. Шлях від значення до способів вираження при дослідженні складного речення виявляється особливо плідним саме тому, що загальні значення складних речень виявляються, насправді, логіко-граматичними. Дослідження синонімічних рядів складних речень – це найкоротший шлях до пізнання особливостей уживання різноманітних типів і видів цієї структурної одиниці. Синонімічні ряди наочно виявляють найбільш уживані, безвідтінкові в значенневому й стилістичному аспекті речення та їхню спадну послідовність як з погляду вживаності, так і з погляду маркованості за значенневими й стилістичними відтінками.

Синоніми, як відомо, об'єднано спільністю значень і тими тонкими розходженнями, що спостерігаються в типовому значенні. В. Г. Адмоні підкреслював, що найважливіша ознака мови – це поєднання форми зі значенням, звуку зі змістом [1, с. 39]. Граматична категорія – це найбільш повне втілення співвідношення форми й значення. Граматичне значення складного речення складається з взаємодії одиниць, що вже мають власні граматичні значення. Виникаючи як єдність предикативних одиниць (принаймні двох), складне речення в такий спосіб уміщує два роди явищ: ті значення, що відбиті в кожній предикативній одиниці, і ті значення, що втілюють зв'язок цих одиниць. Значення складного речення – це відображення зв'язку між предикативними одиницями.